

вредные последствия для философии: пустое резонерство, поверхностные и легкомысленные рассуждения произвели много зла на земле и погубили многих молодых людей, оторвав их от существенных и важных интересов жизни и предав их пагубному владычеству необдуманного и бессмысленного произвола. А так как они облакались в громкое имя философии, то вследствие этого и произошло общее мнение, что философия, безбожие и либерализм, опасные для благосостояния общества, — одно и то же. Но это мнение совершенно ложно: человек, истинно мыслящий и действительно занимающийся философией, не может быть легкомысленным и никогда не будет безбожником и пустозвонным либералом; первый действительный шаг в области истинной философии есть уже отрицание всякого легкомыслия; в постепенном развитии своем философия может впадать в односторонность, в отвлечение, но ее стремление всегда важно, всегда проникнутое глубокою любовью к истине: такая философия никогда не будет безбожною и анархическою, потому что сущность ее жизни и ее движения состоит в поисках Бога и вечного, разумного порядка.

Что же такое философия? Некоторые германские писатели XVIII века стали называть ее «светскою, мирскою мудростью» (*Weltweisheit*) в противоположность религиозному знанию¹. Но это выражение также неопределенно и не обнимает всей сущности философии: практический опыт жизни, знание света и частных обстоятельств, составляющих современное состояние его, могут быть также названы мирскою мудростью, несмотря на то что они не принадлежат к философии и возможны вне ее. Вероятно, ей дали это название потому, что она не ограничивается только одним отвлеченным бесконечным, но обнимает и конечную сторону жизни — природу и человеческий дух; но ведь она не ограничивается также и конечным, обращается к нему не для того, чтоб остановиться на нем, но для того, чтобы понять связь, единство его с бесконечным. Предмет философии не есть отвлеченное конечное, точно так же, как и не отвлечённое-бесконечное, но конкретное, неразрывное единство того и другого: *действительная истина и истинная действительность*.

Итак, философия есть *познание истины*. Гегель, увенчавший системою своею величественное здание новой германской философии, говорит, что теперь настало время, когда философия из любви к мудрости, к истине должна превратиться в действительное знание истины. Но и это определение для нас еще не довольно определено. Что подразумевается здесь под словами *знание и истина*? Когда я знаю, например, что в моей комнате стоит стол, то ведь это также — знание истины, потому что стол в самом деле стоит в моей комнате; по крайней мере многие из наших врагов философии не посовестятся назвать такое знание истинным; а если и посовестятся, то не иначе как изменив своему тайному началу, состоящему в отрицании всякой другой истины, кроме бесконечного многообразия случайностей, наполняющих мир. Что стол стоит в моей комнате, может быть совершенно *справедливо*, но это не более как случайность, не заключающая в себе никакого интереса и не имеющая права на название истины, ибо одно из главных определений истины есть *необходимость*.

В наше время многие отрицают пребывание «необходимости» в истории, а, следовательно, видят в ней не более как пустую игру случайностей и, несмотря на это, утверждают в пользу истории и называют ее наукою. Но в этом заключается явное противоречие: если всемирная история в самом деле — не более как бессмысленный ряд случайностей, то она не может интересовать человека, не может быть предметом его знания и не в состоянии быть ему полезна. Случайным называем мы то, что не имеет в самом себе необходимой причины своего пребывания, что есть не по внутренней необходимости, но по *внешнему*, а, следовательно, и случайному столкновению других случайностей. Случайно то, что могло бы быть и иначе. Интересовать же человека и быть ему полезным может только то, что имеет в себе какой-нибудь смысл, какую-нибудь связь; а если эта связь случайна, то все человеческое знание низложится до мертвой работы *памяти*, обязанность которой будет заключаться единственно только в *сохранении* случайного пребывания случайных, единичных фактов друг подле друга и друг за другом. Но сущность всякого познания состоит именно в самостоятельности духа, отыскивающего внутреннюю, необходимую связь в фактах, разрозненных во внешности; дух приступает к познанию с верою в необходимость, и первый шаг познания есть уже отрицание случайности и положение необходимости. И потому, говоря об истине, мы будем уже понимать под этим словом не что-нибудь случайное, но *необходимую истину*.

Кроме этого, слово «истина» употребляется еще и во множественном числе; обыкновенно говорят о математической, исторической и других истинах, и каждая из них имеет свою собственную внут-

¹ Сюда принадлежат братья Шлегели и их школа.